

УДК 343.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-142-156

Уголовно-процессуальные отношения: конфликтологический и антропологический подходы

Н. О. Машинникова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса

Ижевский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
426000, Россия, г. Ижевск, Заречное шоссе, 23

Научный сотрудник

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32а

E-mail: n-alico@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются конфликтологический и антропологический подходы к пониманию уголовного процесса. Уголовное судопроизводство определяется как способ организации социальной жизни известного круга лиц с целью разрешения уголовно-правовых конфликтов. Обосновывается необходимость использования термина «уголовно-правовой конфликт» и исследуется его соотношение с понятием «преступление». Уголовно-правовой конфликт рассматривается как основание для начала уголовно-процессуальных отношений, а его разрешение – как результат последних. Делается вывод о том, что проблема соблюдения баланса интересов при разрешении уголовно-правовых конфликтов обусловлена сложностью структуры уголовно-процессуальных отношений, так как последние включают в себя уголовно-правовое (материальное) и уголовно-процессуальное правоотношения, имеющие самостоятельную структуру и субъектный состав. Определяются критерии при выборе

© Машинникова Н. О., 2025

компромиссного (консенсуального) решения по уголовному делу и факторы, влияющие на выбор такого решения.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт; уголовно-процессуальные средства; медиация; конфликтологический подход; антропологический подход; процессуальные потребности и интересы

Criminal Procedural Relations: Conflictological and Anthropological Approaches

N. O. Mashinnikova

Izhevsk Branch of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
23, Zarechnoye shosse, Izhevsk, 426000, Russia

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky prospekt, Moscow, 119334, Russia

E-mail: n-alico@mail.ru

Abstract: the article examines the criminal process from the perspective of conflictological and anthropological approaches. Criminal proceedings are defined as a way of organizing the social life of a certain circle of people involved in it in order to resolve criminal legal conflicts. The necessity of using the term criminal legal conflict and its relationship with the concept of "crime" is substantiated. A criminal legal conflict is considered as the basis for the beginning of criminal procedural relations, and its resolution is considered as the result of the latter. It is concluded that the problem of maintaining a balance of interests when resolving criminal legal conflicts is due to the complexity of the structure of criminal procedural relations, since the latter include criminal legal (material) and criminal procedural legal relations, which have an independent structure and subject composition. The criteria for choosing a compromise (consensual) decision in a criminal case and the factors influencing the choice of such a decision are determined.

Keywords: criminal legal conflict; criminal procedural means; mediation; conflictological approach; anthropological approach; procedural needs and interests

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает классическую процедуру медиации уголовно-правовых конфликтов. Сложно себе представить, что в ближайшее время к уголовному судопроизводству будет допущен независимый профессиональный участник в статусе посредника. Однако законодательство уже содержит варианты разрешения уголовно-правовых конфликтов посредством согласительных процедур при наличии к тому воли государства по делам публичного и частно-публичного обвинения и воли сторон по делам частного обвинения. Постепенное включение в уголовное судопроизводство консенсуальных норм свидетельствует о востребованности альтернативной процедуры разрешения уголовно-правовых конфликтов, которая бы в большей мере была ориентирована на потребности и интересы участников конфликта, а также тех лиц, чьи интересы были этим конфликтом затронуты.

Исследуя развитие института медиации в уголовном процессе западных стран, С. В. Нохрин отмечает, что это один из наиболее развитых вариантов разрешения уголовно-правовых конфликтов альтернативными методами¹. Причем изначально консенсуальные варианты разрешения уголовно-правовых конфликтов в таких странах стали применять на практике, а уже затем разрабатывалось и принималось их нормативное регулирование. Кроме того, как справедливо указывает исследователь, судебная система – одна из самых коррумпированных сфер в мире. Развитие же альтернативных договорных процедур в случае, если они будут проходить с участием независимого профессионала, пусть и аккредитованного органом юстиции, однако не являющегося государственным служащим, позволит существенно снизить коррупционные риски в сфере урегулирования уголовно-правовых конфликтов.

Неразвитость процедуры медиации в отечественном уголовном судопроизводстве обусловлена, на наш взгляд, тем, что последнее воспринимается исключительно как инструмент воздаяния за совершенное преступление посредством государственного принуждения, а уголовно-процессуальные средства используются должностными лицами для иных целей, не имеющих никакого отношения к статье 6 Уголовно-процессуального кодекса² (УПК РФ).

¹ Нохрин С. В. Анализ медиации в уголовном процессе европейских стран // Ex jure. 2020. № 4. С. 185–197.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 09.11.2024).

Само понятие уголовно-правового конфликта чуждо отечественному отраслевому процессуальному законодательству. Согласно ему у нас «проходит проверка по преступлению», «происходит расследование преступления», тогда как уголовное судопроизводство создано именно для того, чтобы по его результатам прийти к выводу о наличии либо отсутствии преступления. Между тем уже при возбуждении уголовного дела должностное лицо исходит из наличия преступления. На самом деле это фикция, поскольку нельзя «на входе» в процесс судопроизводства установить то, что должно быть надлежащими способами и средствами установлено в результате судопроизводства. Если в начале процесса исходить из того, что имело место преступление, то целью уголовного судопроизводства автоматически становится непременное привлечение какого-либо лица к уголовной ответственности; при этом причастность данного лица к преступлению, которого на самом деле может и не быть, не имеет для должностных лиц никакого значения, поскольку:

- 1) само преступление как факт уже зафиксировано в постановлении о возбуждении уголовного дела;
- 2) непривлечение к ответственности лица за совершение преступления снизит показатель эффективности деятельности должностного лица.

Преступление в уголовном судопроизводстве требует непременной реакции государства в форме осуждения/привлечения к уголовной ответственности, тогда как при разрешении уголовно-правового конфликта в рамках процедуры уголовного судопроизводства сперва устанавливается наличие либо отсутствие у государства права на наказание через осуждение лица либо привлечение его к уголовной ответственности. В связи с этим рассмотрение уголовного судопроизводства через призму уголовно-правового конфликта как основания возникновения уголовно-процессуальных отношений позволяет иначе взглянуть на вопросы целеполагания уголовного судопроизводства, его эффективности, а также возможности введения в оборот иных социально адаптированных средств разрешения такого рода конфликтов.

Проблемы разрешения уголовно-правовых конфликтов обусловлены не только сложностью и непоследовательностью нормативного регулирования, но также правоприменительными ошибками. Они вызваны противоположными потребностями вовлеченных в них лиц, взаимоисключающими процессуальными интересами сторон, ведомственными интересами чиновников, антагонистическими целями, которые планируют достичь участники судопроизводства по выходе из уголовно-процессуальных отношений. Еще одной

причиной, толкающей участников уголовного судопроизводства на иррациональные решения и поступки, является страх неизвестности результата процесса³ и боязнь наказания в соответствии с санкцией нормы, предусмотренной законом. В связи с этим рассмотрение вопросов уголовного судопроизводства вне вопросов человеческого бытия (рацио и эмоцио) является неполным, поскольку любое правоприменение и правореализация при наличии дискреции субъективны. И такой субъективный компонент при исследовании процессуальной деятельности не учитывать нельзя.

Исходя из того, что уголовный процесс есть жизнь уголовного права, правовая реальность, обусловленная установлением наличия либо отсутствия у государства права на наказание, представляет собой социальный феномен, который:

– с одной стороны, является строго формализованным механизмом по установлению обязательных признаков состава преступления и лица, к нему причастного;

– с другой стороны, проявляется в виде совокупности субъективных факторов, опосредованных межличностным взаимодействием, статусностью субъектов правоприменения и правореализации, вариативностью процессуального поведения, зависимостью от властных решений, наличием дискреционных полномочий у должностных лиц, противоречивостью потребностей и интересов разных субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Несмотря на то что круг объектов исследования уголовно-процессуальной науки весьма обширен, до настоящего времени недостаточно глубоко изучены вопросы субъективного компонента правовой реальности, обусловленной кругом уголовно-процессуальных отношений, то есть то, что можно определить как взаимосвязь нормы с возможностью и способами ее реализации для целей, установленных законодателем с учетом гуманизации уголовно-правовой политики государства. Данное обстоятельство подтолкнуло нас при рассмотрении вопросов целеполагания уголовного судопроизводства использовать два подхода – конфликтологический и антропологический.

Как справедливо отмечает С. И. Максимов, правовая реальность есть лишь способ организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни⁴. В связи с этим уголовное судопроизводство можно определить

³ Можно указать и противоположную причину: страх предустановленного результата судопроизводства в силу наличия обвинительного уклона отечественного уголовного процесса.

⁴ Максимов С. И. Правовая реальность как предмет философского осмысления: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 2002. С. 32.

как способ организации социальной жизни известного круга лиц с целью разрешения уголовно-правовых конфликтов. В свою очередь, уголовно-правовой конфликт следует рассматривать как основание для начала уголовно-процессуальных отношений, а его разрешение – как результат последних.

В рамках реализации научно-исследовательского проекта Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии⁵ было установлено, что по видовому признаку доля уголовно-правовых конфликтов составляет 48 % от общего числа всех юридических конфликтов в Российской Федерации⁶, что, безусловно, актуализирует любое исследование в области способов, методов и форм разрешения такого вида конфликтов.

Конфликтологический подход в изучении назначения уголовного судопроизводства как некоего стандарта, которого следует придерживаться при разрешении уголовно-правовых конфликтов, позволяет понять потребности и психологическое состояние личности⁷, ее социальный статус и восприятие ею и окружающими этого статуса как такового, ее морально-этические и духовно-нравственные ценности, конкретную систему условий, в которых находится человек, вовлекаемый в уголовно-процессуальные отношения, а также определить структуру, типы и качество социальных связей внутри уголовно-процессуальных отношений.

Изучение уголовно-правовых конфликтов, их причин, поводов, способов и практики разрешения:

- способствует выявлению проблем правосознания как лиц, причастных к самому конфликту, так и тех, кто осуществляет деятельность по разрешению этих проблем в установленном законом порядке;
- позволяет выявить недостатки нормативного регулирования в части уголовно-правовой квалификации и уголовно-процессуальных отношений в контексте достижения цели уголовного судопроизводства и реализации его назначения применительно к статье 6 УПК РФ;
- смоделировать варианты возможного наиболее эффективного разрешения уголовно-правового конфликта.

⁵ Научно-образовательный центр создан кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета.

⁶ Результаты анкетирования размещены по адресу: URL: <http://www.law.vsu.ru/ac/wp-content/uploads/Результаты-анкетирования.pdf>.

⁷ Здесь как пример корректно привести привилегированные и квалифицированные составы преступлений.

Кроме того, изучение практики разрешения уголовно-правовых конфликтов способствует разработке законодателем новых, более эффективных и адаптированных к текущим социальным потребностям, способов их разрешения и последующему введению этих способов в правоприменительный оборот.

Конфликтологический подход в изучении уголовно-процессуальных отношений позволяет рассмотреть нормативные предписания закона с позиции индивидуальных, субъектных начал и причин конфликтов, а также готовности субъектов, сопровождающих уголовное судопроизводство, либо лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, к отдельным способам и процедурам их разрешения; способствует исследованию сущности уголовного процесса через практику применения уголовно-процессуальных норм при разрешении конфликтных ситуаций.

В свою очередь, антропологический подход переориентирует правовую проблематику с изучения логико-методологических проблем на исследование смысложизненных, мировоззренческих основ уголовно-процессуальных отношений, создание и обоснование новых уголовно-процессуальных форм и способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в соответствии с потребностями общества и личности. В частности, такой подход способствует поиску ответов на следующие вопросы: для чего необходимо уголовное судопроизводство? Каковы критерии воздействия формирующейся и изменяющейся правовой реальности на личность и общество, а также последствия такого воздействия (стигматизация личности, эффективность регулирования, уровень доверия, вовлеченность граждан в процесс судопроизводства)? Может ли отдельная личность самостоятельно воздействовать на правовую реальность в рамках уголовно-процессуальных норм либо ей суждено быть исключительно объектом такого воздействия?

Наконец, комплексное использование антропологического и конфликтологического подходов в процессе анализа уголовно-правовых конфликтов и уголовно-процессуальных средств их разрешения способствует разработке и формированию эффективных и рациональных уголовно-процессуальных норм в контексте формирующихся социальных потребностей.

Конфликтологи и антропологи, объектом исследования которых является правоприменение, приходят к обоснованному выводу о том, что новая правовая реальность, выстраиваемая без учета «человеческого измерения права», не имеет потенциала для эффективной реализации задач, которые

ставят перед собой государство и общество⁸. В полной мере это утверждение справедливо и для уголовного судопроизводства, поскольку вводимые в право применительный оборот новые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы без объективной и разумной оценки человеческого бытия полностью лишены потенциала для решения поставленных перед ними задач.

Как верно указывает А. С. Мордовец, сущность человеческого измерения заключается в возможности и способности субъекта оценить состояние социального явления⁹. В контексте уголовного судопроизводства это позволяет ему правильно оперировать оценочными суждениями, не только формировать внутреннее убеждение, но и принимать в соответствии с ним волевое решение, а кроме того, выбирать наиболее эффективные и наименее болезненные способы разрешения уголовно-правового конфликта с позиций рациональности и эмоции.

Конфликт, будучи способом определения дозволенного в социальной группе, дает возможность установить границы социально приемлемого поведения. Особенностью уголовно-правового конфликта является то, что мера дозволенного устанавливается не социальной группой, а государством, поэтому воля потерпевшего, направленная на отказ от стигматизации уголовно-преследуемого лица государством, учитывается не всегда. При заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) воля потерпевшего не имеет процессуального значения относительно порядка судопроизводства, а также иных существенных условий сделки.

Как обоснованно указывает И. С. Завьялова, наибольший научный и практический интерес вызывает вопрос эффективности самого процесса разрешения юридических конфликтов¹⁰. При этом говорить об изменении качественных показателей разрешения уголовно-правовых конфликтов допустимо лишь с учетом анализа судебно-следственной практики, поскольку именно анализ последней ориентирует на проблемы, которые становятся объектами научного исследования для целей определения методики устранения выявленных противоречий в законодательных актах и ошибок правоприменения.

⁸ Махина С. Н. Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 7–20.

⁹ Мордовец А. С. Социально-юридическая конструкция человеческого измерения прав человека // Юридическая техника. 2013. Т. 7, № 2. С. 500–509.

¹⁰ Завьялова И. С. Правовые технологии разрешения юридических конфликтов в России: общий анализ с позиции качества и эффективности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 104–117.

Однако прежде, чем углубляться в вопросы эффективности разрешения уголовно-правовых конфликтов и разрабатывать наиболее рациональные и социально востребованные способы такого разрешения, следует уяснить сущность понятия «уголовно-правовой конфликт».

По мнению А. В. Глуховой, некоторые конфликты с самого начала имеют правовую основу, поскольку их участники/контрагенты связаны правовыми отношениями, часто выступающими в качестве объекта конфликта или мотива их поведения. Но гораздо чаще правовая природа возникает не сразу, а лишь по мере развития конфликтного противоборства, когда появляется или изменяется юридическая компонента в конфликтных ситуациях¹¹.

Уголовно-правовой конфликт представляет собой отраслевой вид юридического конфликта, а значит, связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями). Следовательно, субъекты такого конфликта или мотивация их поведения либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а сам конфликт влечет за собой юридически значимые последствия¹².

В своих рассуждениях мы исходим из того, что уголовно-правовой конфликт является основанием для возникновения уголовно-процессуальных отношений и подлежит разрешению уголовно-процессуальными средствами. Между тем момент возникновения правовой составляющей такого конфликта и особенности ее возникновения зависят от множества факторов, но наиболее значимыми, на наш взгляд, в этом контексте являются модусы реальности и мнимости (ложности) такого конфликта. Данное утверждение обусловлено тем, что при реальном уголовно-правовом конфликте, подразумевающем наличие события преступления, правовая составляющая возникает в момент такого события либо предшествует ему; при мнимости такого конфликта его правовая составляющая обусловлена моментом возникновения уголовно-процессуальных отношений. При таком подходе длительное время и обоснованно критикуемая учеными-процессуалистами на доктринальном уровне стадия возбуждения уголовного дела предстает в качестве первичного фильтра, который позволяет отсеять отношения, не обладающие характеристиками уголовно-правового конфликта.

¹¹ Глухова А. В. Институционализация конфликта как условие его урегулирования // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4. С. 40–49.

¹² Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления): моногр. М.: Ин-т государства и права РАН, 1992.

Между тем не каждый, пусть даже реальный, уголовно-правовой конфликт представляет собой преступное деяние с точки зрения его обязательных юридически значимых признаков. Законодателем строго разделены фактическая часть преступного деяния (событие преступления) и его юридическая конструкция (состав преступления). Наступление уголовной ответственности возможно лишь при установлении совокупности фактической составляющей и юридической. А это означает, что только в результате уголовного судопроизводства можно выявить, обладает ли уголовно-правовой конфликт всеми признаками преступного деяния и имеется ли у государства право на наказание. Лишь при установлении указанных признаков в той степени достоверности, которая характерна для каждой из стадий уголовного процесса, участники уголовного судопроизводства, имеющие на то процессуальные права либо полномочия, могут избрать форму разрешения уголовно-правового конфликта, отличную от приговора суда. Если на определенной стадии уголовного судопроизводства будет установлено отсутствие фактических или юридических признаков преступления, а следовательно, и отсутствие у государства права на стигматизацию лица либо на применение к нему иных мер госпринуждения (например, принудительных мер медицинского характера или направления в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей), уголовно-правовой конфликт должен быть разрешен способом, предусматривающим реабилитацию лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Таким образом, уголовно-правовой конфликт может быть разрешен с последствиями стигматизации для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо без таковых.

Но именно институт реабилитации, на наш взгляд, стал основным препятствием для разрешения уголовно-правового конфликта без стигматизирующих последствий. Наше суждение обусловлено тем, что данный институт в правопонимании неразрывно связан с незаконностью уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц. В свою очередь, сочетание следственной формы уголовного судопроизводства с продекларированным принципом состязательности и введенным в УПК РФ назначением уголовного судопроизводства как стандарта осуществления уголовно-процессуальных отношений вводит лиц, в них вовлеченных, в заблуждение насчет возможных вариантов разрешения уголовно-правового конфликта.

Само уголовное судопроизводство является способом установления наличия либо отсутствия у государства права на наказание, в более широком

смысле – на стигматизацию. Отсутствие такого права не только является допустимым результатом уголовного судопроизводства в контексте процессуальных норм, но и указывает на правозащитный, правообеспечительный и право-восстановительный характер уголовного процесса.

Между тем, разрешая уголовно-правовой конфликт с признанием за лицом, подвергшимся уголовному преследованию, права на реабилитацию, должностное лицо:

- 1) устанавливает факт незаконности в том числе собственной процессуальной деятельности;
- 2) признаёт за лицом право на получение денежной компенсации из средств федерального бюджета;
- 3) рискует стать ответчиком по регрессным требованиям государства в части суммы денежных средств, выплаченных из средств федерального бюджета реабилитированному лицу;
- 4) действует вопреки критериям эффективности оценки деятельности правоохранительных органов;
- 5) рискует «получить отмену» вынесенного судебного акта, что негативно отразится на индивидуальном критерии стабильности судебных актов, поскольку процент отмены такого решения вышестоящим судом в десятки, а то и в сотни раз выше, чем у судебного акта со стигматизирующими последствиями.

Каждое из приведенных утверждений является для должностного лица самостоятельной и вполне веской причиной избежать принятия решения о разрешении уголовно-правового конфликта без стигматизирующих последствий.

Однако не каждое производство по уголовному делу, завершающееся по реабилитирующим основаниям, является незаконным. Обратный подход лишь предполагает, что цель уголовного судопроизводства – стигматизация личности, где способ и форма последней могут быть согласованы лицами, установленными законом. Оправдание является таким же возможным вариантом разрешения уголовно-правового конфликта, как и стигматизация лица. Отсутствие шанса на оправдание делает уголовное судопроизводство и законодательство, его регламентирующее, во многом бессмысленными, поскольку для уголовной репрессии процессуальное законодательство не нужно.

В связи с этим полагаем, что рассматривать институт реабилитации следует в несколько ином аспекте. Реабилитация в ее экономической части представляет собой компенсацию государством уголовно преследуемому лицу его

моральных издержек и материальных затрат в случае, если в ходе либо по результатам уголовного судопроизводства будут установлены необоснованность уголовного преследования, его незаконность, избыточность мер уголовно-процессуального принуждения и т.д.

Институт реабилитации находится в диалектической взаимосвязи с принципом законности, регламентирующим материальные (ст. 3 УК РФ) и процессуальные (ст. 7 УПК РФ) уголовно-правовые отношения. Однако ни одна из трактовок принципа законности не предполагает, что разрешение уголовно-правового конфликта без последствий стигматизации преследуемого лица автоматически признаёт состоявшееся по нему уголовное судопроизводство незаконным.

Самые жесткие конфликты присущи производству по тем уголовным делам, где противоборство, инициированное защитой, идет за оправдание (реабилитацию) уголовно преследуемого лица. Позитивный результат выхода из уголовно-правового конфликта лица, вовлеченного в него против своей воли, установлен действующим законодательством, что подразумевает не только его легальность, но и соответствие социальным потребностям.

Все остальные закрепленные в настоящее время в законе варианты разрешения уголовно-правовых конфликтов, не обремененные для государства последствиями реабилитации, можно отнести к разрабатываемой В. В. Колесник подотрасли договорного уголовно-процессуального права и предложенной Г. С. Русман концепции поощрительных форм уголовного судопроизводства¹³. Не соглашаясь с В. В. Колесник в некоторых выводах и рассуждениях, сформулированных ею по ходу исследования¹⁴, нужно поддержать исследователя в том, что идея уголовно-процессуальной сделки связана с идеологией свободы, добровольности в определении договаривающимися субъектами своих прав и обязанностей для достижения желаемого ими правового результата¹⁵.

Конфликтогенность уголовно-процессуальной реальности, характеризующаяся, во-первых, наличием государственного принуждения в течение

¹³ Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023.

¹⁴ Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2024; Она же. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48.

¹⁵ Колесник В. В. Договорное уголовно-процессуальное право как подотрасль современного российского уголовно-процессуального права // Ex jure. 2024. № 1. С. 139–150.

всей процедуры судопроизводства и, во-вторых, состязательной формой судебной стадии уголовного процесса, увеличивает динамику противостояния сторон.

В центре уголовного судопроизводства всегда находится человек либо группа людей, обладающих диаметрально противоположными материальными и процессуальными интересами, а также базовыми потребностями. В момент возникновения уголовно-процессуальных отношений в них сразу вовлекаются как минимум два лица: 1) потерпевший / лицо, принявшее процессуальное решение; 2) лицо, принявшее процессуальное решение / лицо, которое планируется привлечь к уголовной ответственности. Однако по мере своего развития уголовно-процессуальные отношения вовлекают в себя все большее количество участников, существование (бытие) которых в момент их вовлечения в уголовное судопроизводство приобретает границы, установленные уголовно-процессуальными нормами.

Формы разрешения уголовно-правовых конфликтов могут отличаться. Однако именно стигматизирующие последствия уголовного судопроизводства, их степень – привлечение лица к уголовной ответственности либо его осуждение и наказание, а также вид и размер такого наказания являются непосредственным мотивом для позитивного посткриминального поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и его готовности к компромиссу. Со своей стороны государство не заинтересовано в длительной, затратной процедуре судопроизводства. Напротив, оно заинтересовано в том, чтобы при меньших издержках раскрыть большее количество преступлений. Все это в конечном итоге способствует поиску компромиссных процедур разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Проблема соблюдения баланса интересов при разрешении уголовно-правовых конфликтов обусловлена сложностью структуры уголовно-процессуальных отношений, поскольку:

- уголовно-правовое (материальное) правоотношение, реализация которого происходит исключительно посредством уголовно-процессуальных отношений, характеризуется двухсубъектным составом – лицом, совершившим преступление, и государством;

- уголовно-процессуальное правоотношение характеризуется многосубъектным составом. При этом в контексте состязательного процесса улучшение положения одной стороны процессуального правоотношения, как правило, приводит к ухудшению правовых позиций другой стороны.

Таким образом, процесс разрешения уголовно-правового конфликта в разрезе поиска более рациональных, эффективных и социально ориентированных решений включает в себя:

- 1) поиск консенсуса между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и государством;
- 2) поиск компромисса между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и потерпевшим по уголовному делу;
- 3) поиск социально приемлемого варианта разрешения уголовно-правового конфликта.

В идеале результат разрешения уголовно-правового конфликта должен удовлетворять всем трем пунктам. Однако такой результат не всегда может быть достигнут.

Приоритет при выборе компромиссного решения определяют следующие факторы:

- юридически значимые, включающие в себя категорию преступления, вид уголовного преследования, уголовно-процессуальную форму, стадию уголовного судопроизводства, порядок уголовного судопроизводства и т.д.;
- субъективные, определяющие потребности, интересы, цели и ценности конкретного участника судопроизводства;
- вектор уголовно-правовой политики государства.

Библиографический список

Глухова А. В. Институционализация конфликта как условие его урегулирования // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4. С. 40–49.

Завьялова И. С. Правовые технологии разрешения юридических конфликтов в России: общий анализ с позиции качества и эффективности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 104–117.

Колесник В. В. Договорное уголовно-процессуальное право как подотрасль современного российского уголовно-процессуального права // Ex jure. 2024. № 1. С. 139–150. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-1-139-150.

Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Пермь, 2024.

Колесник В. В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48. DOI: 10.17223/23088451/20/8.

Кудрявцев В. Н. Социальные деформации (причины, механизмы, пути преодоления): моногр. М.: Ин-т государства и права РАН, 1992.

Максимов С. И. Правовая реальность как предмет философского осмыслиения: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 2002.

Махина С. Н. Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 7–20.

Мордовец А. С. Социально-юридическая конструкция человеческого измерения прав человека // Юридическая техника. 2013. Т. 7, № 2. С. 500–509.

Нохрин С. В. Анализ медиации в уголовном процессе европейских стран // *Ex jure*. 2020. № 4. С. 185–197. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-4-185-197.

Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2023.

Информация для цитирования

Машинникова Н. О. Уголовно-процессуальные отношения: конфликтологический и антропологический подходы // *Ex jure*. 2025. № 1. С. 142–156. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-142-156

Mashinnikova N. O. Criminal Procedural Relations: Conflictological and Anthropological Approaches. *Ex jure*. 2025. № 1. Pp. 142–156. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-1-142-156
